

цитат, афоризмов и крылатых выражений. Необходимо уметь держать в памяти конструкцию речи, а также логично, последовательно и аргументированно разрабатывать его. Большое значение имеет разнообразие формы выступления, выразительность устной речи усиливает повтор фразы, какой-либо риторический вопрос, вопрос-ответ, сравнения, синонимы, чем в немалой степени достигается разговорность речи, а значит, доступность. Не забываем, что верно выбранный тон, интонация, продуманные паузы, мимика и жест дополняют, а порой способны заменить целые фразы. Также следует хорошо освоить особенности языковых стилей, например, агитационной, художественной, деловой, научной, бытовой, и т.д. и в зависимости от аудитории умело переключаться на самый нужный. Прежде всего следует завоевать внимание слушателя и удержать его до конца. Еще древнегреческие ораторы придавали большое значение вступлению в речь, своего рода зачину речи, от которого зависит все выступление. Форм и методов вступления очень много, начиная от шуток о погоде, до свежего анекдота, иногда очень помогает интригующее начало, и дать совет на все случаи жизни трудно, все зависит от конкретной обстановки.

Культура речи. Особенно важна на современном этапе, когда пропаганда родного языка во всех сферах жизни, повышение его культуры — долг каждого из нас. Отличительная особенность правильной речи в том, что в ней соблюдаются нормы современного языка, т.е. общепринятые правила грамматики и словоупотребления. Вместе с тем культура речи не только в следовании этим нормам, но еще и в умении находить точные слова для выражения своей мысли, а умение это приходит лишь в результате кропотливого труда и совершенствования. Наша повседневная, обыденная речь более непринужденна, сиюминутна, она не подготавливается заранее и употребляется в условиях живого общения и всегда существует в непосредственной связи с восприятием собеседника, в ней мы часто позволяем отклонения от темы различными отступлениями, уточнениями и объяснениями, переходим с одного языка на другой, иногда даже для большей «убедительности» употребляем и ненормативную лексику. Иное дело — язык публичного выступления, она заранее предопределяет некую дистанцию между оратором и аудиторией. Потому многие в стремлении всячески сократить эту дистанцию сознательно упрощают свой язык, низводя его до уровня «уличного», языка не массы, а толпы, и это в корне неверно. Простота — не есть штамп неживого слова, а доступность — не уличный жаргон. Ведь сегодня, благодаря лучшим образцам передач радио и телевидения, литературы, нормы восприятия слова подверглись большому изменению, и слух на живое слово обострился. Формальный прием обыденности, искусственной разговорности, чисто внешнее подражание жизненности недопустимо. «... огромное большинство людей плохо, вульгарно пользуются речью в самой жизни» писал К. С. Станиславский. Известно, какое значение и К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко уделяли культуре речи и считали ее неотъемлемым и даже определяющим фактором искусства актера. Это же требование в полной мере относится и к публичной речи.

Вместо заключения. Публичное выступление для любого человека прежде всего процесс словесного действия, т.е. оратору, общаясь с многочисленной аудиторией, приходится работать в условиях «публичного одиночества», значительного умственного напряжения и волевых усилий. Желательно, и даже необходимо помнить, что все части выступления должны быть взаимосвязаны и только продуманная, целенаправленная последовательность и точное знание сверхзадачи выступления приведут к положительному результату. Повторяя мысль о приоритете внутренней, психологической подготовки, добавим, что огромное значение имеют внешний вид оратора, его походка, пластика, осанка, мышечная свобода и творческое самочувствие, при этом следует иметь в виду — воспитание этих качеств зависит не только от профессионализма педагога или консультанта, но прежде всего от желания и трудолюбия самих ораторов. В последующих разделах пособия мы более подробно остановимся на выработке и тренировке дыхания, голоса, дикции, правилах орфоэпии и подготовке речеголового аппарата к выступлению — основных условий успешности публичной речи, поэтому нет необходимости их повторять. Мы коснулись лишь некоторых общих требований, поскольку нельзя дать готовых рецептов на все случаи жизни и будем рады, если они принесут практическую пользу, а желающих заниматься этим вопросом более конкретно и углубленно, ждем на кафедре сценической речи КазНУИ, где с удовольствием готовы оказать любую помощь.

Список литературы:

1. К. С. Станиславский Собрание сочинений в 8-томах, т. 3 «Искусство».

*Mikhailova Elena Nikolaevna, Belgorod State National Research University,
professor, Department of the French language*

*Koltunova Svetlana Viktorovna, Belgorod State Institute of Arts and Culture,
tutor, Department of foreign languages*

The Case Category Term System in the Spanish Grammars of the Golden Age

The scholars' great attention to terminology problems is explained by the significance of this field as a special tool of the professional activity and as a reflection of the informative picture of the world which is formed in the process of its scientific cognition. The continuity of this process always contributed to the dawn of new term systems and to a qualitative transformation of the existing ones. While studying the terminology it is to consider that conceptual features of terms are dynamic in their basis, since human cognitive activity is dynamic. A diachronic approach in the term analysis enables not only to reveal etymology but also to trace evolution of the notion, gain an insight into the phenomenon marked with its help. The research of linguistic terminology formation peculiarities within the framework of different linguistic traditions gives a rich material for the survey like this. In this respect L. G. Stepanova writes: "The history of science is, first of all, science metalanguage history"¹.

In connection with the problem of forming and developing science metalanguage the so-called periods of change (when the change of scientific paradigms in linguistics took place) carry an undoubted significance. In the history of Spanish linguistic thought such a unique period is the Golden Age — the time when the bases of describing the Spanish national language were laid by means of the Greco-Latin grammatical canon.

As is known, the first Spanish grammars were created by the model of the authoritative Latin grammars (Donate, Priscian and others) using a set of existed terms, notions, formulas, worked-out in Greek and refracted through the prism of Latin in Late Antiquity and the Middle Ages. At the same time the analysis of the grammars written in the Golden Age shows that along with a wide use of classical tradition principles they express a tendency to rethink general postulates of language knowledge.

¹ Степанова Л. Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков (от Данте до позднего Возрождения). – СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. – С. 7.

It comes to our attention that despite an internal invariance and universality of the key grammatical notions, the majority of canonical terms in the first national grammars got a varied content and went on developing in time with the help of new ties and relations. One of the striking examples of rethinking traditional grammar statements as well as grammatical terminology can be a set of terms used by grammarians while describing a case category.

As the tool-language of grammatical description in the Spanish grammars was different (Spanish, Italian, French, English, Latin), the case term system was represented by terms in the language the certain grammar was written. But this discrepancy between the object-language and the tool-language of grammatical description didn't cause problems in understanding these terms because they dated back to the same source — Latin.

Besides the names of general terms — *caso* and *declinacion* — the case category term system includes names of six cases (*Nominatiuo, Genitiuo, Datiuo, Acusatiuo, Vocatiuo, Ablatiuo*). Thus, we deal with a microsystem, represented by eight terms forming two levels of hierarchy. Note that the term “paradigm” is not used in the case category description, though it was widely used in the Latin grammars of that time (*paradigmata*). In this case we observe a hole in the Spanish case term system and an asymmetry in the general grammatical term system of that epoch.

As the terminology is formed and functioned as a system, the formation and functioning of the microsystem of case category terms in whole comply with the general laws the grammatical terminology and metalanguage of grammatical description of that time possess. Hence the main tendencies of the general grammatical term system were reflected in the case term system evolution. At the same time a special way of organizing the elements of this category allows to reveal some peculiar features.

While analyzing the metalanguage of grammatical description N. B. Mechkovskaya offers to differentiate three interconnected aspects: 1) material-and-linguistic basis of metalanguage and sources of grammatical terminology as a nucleus of metalanguage; 2) functions of terms; 3) means of presenting linguistic content in the grammars¹. At the same time while analyzing term systems we can't but take into account the fact that terminology of science about language (besides it belongs to a language system) is closely connected with the existing scientific tradition².

The analysis of Golden Age grammars shows that there are examples when the names of cases are substituted by the ordinal numerals. A. Nebrija (1492) was the first to use this approach, in his grammar the case term system has the following way: Primer caso, Segundo, Tercero, Cuarto, Quinto. As L. G. Stepanova writes, the use of this approach was not rare in the early grammars of vernaculars, but this method shouldn't be considered a thoughtless transfer of categories in one language to the grammatical structure of another³.

The numeric system of case nomination which was reflected in later Spanish grammars allows us to speak about the influence of Nebrija's work on the further tradition. From the point of view of using such a nomination system in the paradigms of declension Miranda's grammar is of great interest, because it combines ordinal numerals (*fecondo caso, quarto, festo*) and traditional terms (*nominatiuo, genitiuo, datiuo, accusatiuo, vocatiuo, ablatiui*). As we can see, there is a sort of a double term system for case paradigm. It is quite explainable if we take it into consideration that Spanish grammatical terminology was in the formation process so it was not rare for it to have terms-duplicates and terminological holes.

It is found out in our survey that this very term system includes variants of spelling for such cases as Genitive and Vocative: *Genetivo/Genitivo/Jenitiuo/Xenitivo; Vocatiuo/Bocatiuo*. These variants reflect instability of Spanish orthography in their own way and existence of pronunciation variants (Castilian, Catalanian, Aragonese, etc.).

Another aspect of terms spelling variety in the paradigms of declension is a wide use of abbreviations. For instance, *Nomin./Nom., Genit./Gen., Accuf./Acc., Vocat./Voc., Ablat./Abl.* In an absolute majority of occasions Dative is represented in the grammars as *Dat.* In Franciosini's grammar (1624) there coexist such abbreviations as *Nomin./Nom./No., Genit./Gen./Ge., Dat./Da., Accuf./Acc./Ac., Vocat./Voca./Voc./Vo., Ablat./Abla./Abl./Ab.* Correas' grammars (1626, 1627) give an example of coming to the initials of the terms except Ablative: *N., G., D., A., V., Ab.* There is no unity in spelling the case terms with a capital or small letter in the grammars, as *Nom./nom., Gen./gen.* and so on.

It appears from the analysis carried out that the largest changes in this term system are connected with a reinterpreted content of two generic terms — “case” and “declension”. Meanwhile the ways of rethinking the content, each of them possess in the canonical grammars, were different.

The overwhelming majority of the analyzed grammars find out some confusion of the notions “case” and “declension”. It is accounted for polysemy of these terms which was set in the Antiquity and saved up to date. In the current linguistics the declension is to mean: firstly, nominal inflection; secondly, inflection of declined words according to the cases; thirdly, noun inflection types⁴. In the early stages of the history of language knowledge the declension was understood much wider, because some grammarians treated it as an inflection in general. Besides, the lack of a rigid discrepancy between the categories “case” and “declension” allowed to consider them absolute synonyms.

The case also possesses its hidden inner contradictions coming out of its definition. As A. A. Zaliznyak writes, on the one hand, it is a well-known ambiguity of the term (the certain case or the case in general), on the other hand, it is its semantic and formal understanding⁵.

The representatives of other West European traditions had to face the same problem of internal contradictions caused by the lack of monosemy of these terms. As E. N. Mikhailova writes, the difficulty of this process was denoted by the fact that the units and procedures of analysis worked-out on the material of inflectional languages were used for the object-language of the grammatical description characterized by all the features of analytism. The situation became complicated because within the Renaissance Latin tradition served as the general language theory there were some changes which caused a shift of accents in understanding well-known constants of grammatical knowledge. So, the texts of the Latin grammars of the XVI c. show that the previous discrepancy in treating declension as a paradigm of case inflection and an inflection type was disappearing. All these things couldn't but have an impact on treating the case in the grammars of national languages⁶.

There existed two approaches of understanding the term “case” in the grammars of the Golden Age: from the form to the meaning and from the meaning to the form. The former analyzes an inflective word, the latter — an analytical construction. The most striking example of the first approach is Nebrija's case conception, examples of the second approach were abundant in the grammars written in the end of the XVI c. — the beginning of the XVII c., i. e., the period of an intensive writing of the Spanish grammars and understanding of the Spanish language originality.

¹ Мечковская Н. Б. Концепции и методы грамматик XVI–XVII вв. как элемента книжно-письменной культуры восточного славянства: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Минск, 1986. – С. 32–33.

² Ахманова О. С. Терминология лингвистическая//Языкознание. Большой энциклопедический словарь/Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. – С. 509.

³ Степанова Л. Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков (от Данте до позднего Возрождения). – СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. – С. 396.

⁴ Булыгина Т. В., Крылов С. А. Падеж//Языкознание. Большой энциклопедический словарь/Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. – С. 355–357.

⁵ Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях//Проблемы грамматического моделирования. – М.: 1972. – С. 53–55.

⁶ Михайлова Е. Н. Категория падежа в лингвистических концепциях эпохи Возрождения//Научные чтения Петербургского Лингвистического общества (2006). – СПб., 2007. – С. 96.

As far as the term “declension” is concerned, its rethinking resulted in a rather wide treatment as an analog of noun inflection in numbers, genders, or as a way of systemizing pronouns according to classes.

Considering the means of expressing a grammatical meaning an equivalent in the inflectional and analytical morphology, Spanish authors treated case and declension as elements of the universal system common for all the languages which let them save unity in the grammatical knowledge methodology.

Thus, the analysis carried out allow us to conclude that the case category term system in the Spanish grammars of the Golden Age is an example of the existing rethinking of Latin grammatical metalanguage. It is proved by the fact that despite an internal invariance of the terms modeled after Latin, their content is qualitatively reinterpreted. The transformations made by Spanish grammarians in this part of the metalanguage of the grammatical description reflect transformations of the grammatical tradition on the whole.

*Novikova Valeriya Yurievna, Krasnodar State University of Culture and Arts,
Department of Russian Language and Literature, associate professor
Новикова Валерия Юрьевна, Краснодарский государственный университет культуры
и искусств, кафедра русского языка и литературы, доцент*

Pragmatic singularity of absurd discourses in popular culture (analyzing the apperception of two “The Beatles” texts)

Своеобразие прагматики абсурдных дискурсов в массовой культуре (на примере анализа восприятия текстов двух песен группы «The Beatles»)

Термин «абсурд» в рамках гуманитарного знания за всю историю его существования обрел множество трактовок. Большинство из них, так или иначе, были весьма расплывчаты. Большинство ученых, исследовавших феномен абсурда, видели в нем противоположность смысла, составляющую дихотомии «смысл — нонсенс». Конкретизировать такое определение большинство наук, оперирующих данным понятием как термином, часто отказывается, мотивируя это тем, что «попытка дать категориальное определение абсурда невыполнима и сама по себе абсурдна, поскольку абсурд не улавливается в сети ни здравого смысла, ни понятий рассудка, ни идей разума»¹.

При этом дискурс, с первого взгляда не обладающий смыслом, — явление отнюдь не редкое на протяжении всей истории человеческой цивилизации. Отнюдь не каждая сущность в рамках мирового искусства, в том числе искусства слова, создается и оценивается исключительно с позиции разума. Абсурд затрагивает не только разные области искусства, но и сферы национального и религиозного сознания. С. В. Рудановская полагает, что «на уровне каждой культуры существуют свой *absurdum*: “недоумочная” речь шутов, спонтанные неожиданные обороты даосских и дзэнских учителей, сакральный абсурд, описывающий сверхкультурный религиозный опыт, удивительное появление философии на фоне мифа, безумные речи Диогена, не менее безумная вера Тертуллиана, логические изыски софистов и схоластов, искусство гротеска»². Даже если искать абсурдные конструкты лишь в литературе XX века, то сразу на ум приходят и дискурсивные практики группы ДАДА, сюрреалистов и футуристов, и эксперименты ОБЭРИУ, и вызванные к жизни экзистенциальными представлениями А. Камю пьесы «театра абсурда». Если бы все эти художественные сущности отталкивались рациональным началом сознания человека (то есть воспринимались как лишённые смысла), то они не задержались бы в истории искусства надолго и не считались бы объективно ценными. Но эти области искусства большинством уже давно не позиционируются как циничные эксперименты «дурного вкуса», препарирующие культуру прошлого и утверждающие культуру будущего и относятся к высокому искусству. Как же заработала бы мысль интерпретатора, если перед ним оказался бы абсурдный дискурс — но, допустим, позиционирующийся как массовая литература?

В массовой культуре, изначально предполагающей не просто осмысленность создаваемого автором текста, но семантическую, сюжетную, композиционную и прагматическую заданность дискурса в рамках определенных потребностей читателя, исходя из вышесказанного, абсурд кажется явлением невозможным. Однако на практике масскультные тексты, воспринимаемые самими авторами как алогичные, способны внезапно обретать смысл в восприятии интерпретаторов — потребителей. Происходит сама по себе абсурдная вещь: читатель подобного дискурса, даже имея под рукой пояснения (или объяснения) автора, не соглашается с его трактовкой смысла дискурса, трактовкой создателя произведения. Особенно интересно в рамках массовой культуры, на наш взгляд, будут выглядеть абсурдные тексты, написанные с чисто провокационными целями: посмотреть, как читатель будет на них реагировать, отбросит ли, как бессмыслицу или провозгласит эталоном глубокомыслия и мудрости.

Очень показательную иллюстрирует эту ситуацию история с двумя песнями группы «The Beatles», сочиненными в 1967 году. Первая из них, «I'm the Walrus» («Я — Морж»), родилась у Джона Леннона как ассоциация в связи со сказкой Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» и одним из ее героев.

*I am he
As you are he
As you are me
And we are all together
See how they run
Like pigs from the gun
See how they fly, I'm crying
Sitting on a cornflake — waiting for the van to come
Corporation teashirt, stupid bloody Tuesday man you been a naughty boy
You let your face grow long*

¹ Огурцов А. П. Абсурд/Новая философская энциклопедия. Под редакцией В. С. Стёпина. В 4 тт. М. «Мысль». Т. 1. 2010. С. 21.

² Рудановская С. В. Опыт абсурда в экзистенциальной философии (Магистерская диссертация (РУДН)) [Электронный ресурс] – <http://fege.narod.ru/librarium/rudanovskaya.htm> - Загл. с экрана.